

Муж и жена (Дорошевич)

— Удивительно создан свет! — сказал мудрец Джафар.

— Да, надо сознаться, престранно! — ответил мудрец Эддин. Так говорили они пред премудрым шахом Айбн-Муси, который любил сравить между собою мудрецов и посмотреть, что из этого выйдет премудрого.

— Ни один предмет не может быть холоден и горяч, тяжёл и лёгок, красив и безобразен в одно и то же время! — сказал Джафар. — И только люди могут быть в одно и то же время близки и далеки.

— Это как так? — спросил шах.

— Позволь мне рассказать тебе одну историю! — ответил с поклоном Джафар, довольный, что ему удалось завладеть вниманием шаха.

А Эддин в это время чуть не лопался от зависти.

— Жил в лучшем из городов, в Тегеране, шах Габибуллин, — шах, как ты. И жил бедный Саррах. И жили они страшно близко друг от друга. Если бы шах захотел осчастливить Сарраха и пройти к нему в хижину, — он дошёл бы раньше, чем успел бы сосчитать до трёхсот. А если бы Саррах мог пройти во дворец шаха, — он дошёл бы и того скорее, потому что бедняк всегда ходит скорее шаха: ему больше в привычку. Саррах часто думал о шахе. И шах иногда думал о Саррахе, потому что как-то по дороге видел Сарраха, плакавшего над издохшим последним ослом, и по милосердию своему спросил имя плачущего, чтоб упоминать его в своих вечерних молитвах: «Аллах! Утешь Сарраха! Пусть Саррах больше не плачет!» Саррах иногда задавал себе вопрос:

«Хотел бы я знать, на каких конях ездит верхом шах? Я думаю, что они кованы не иначе, как золотом, и так раскормлены, что просто ноги раздерёшь, когда сядешь верхом!» Но сейчас же отвечал себе:

«Экий я, однако, дурень! Станет шах ездить верхом! За него ездят верхом другие. А шах, наверное, целый день спит. Что ему больше делать? Конечно же спит! Нет занятия лучше, как спать!»

Тут Сарраxu приходило в голову:

«Ну, а есть-то как же? Шах должен и есть. Тоже занятие не вредное! Хе-хе! Поспит, поест и опять заснёт! Вот это жизнь! И есть не что-нибудь, а всякий

раз нового барана. Увидит барана, сейчас зарежет, изжарит и съест в своё удовольствие. Хорошо!.. Только и я-то дурень! Станет шах, словно простой мужик, всего барана есть. Шах выедает барану только почки. Потому почка — самое вкусное. Зарежет барана, отъест ему почки и другого зарежет! Вот это шахская еда!» И вздохнул Саррах:

«И блохи же, я думаю, у шаха! Жирные! Что твои перепела! Не то, что у меня — дрянь, есть им нечего. А у шаха и блохи должны быть, как ни у кого. Откормленные!»

Шах же, когда ему вспоминался плачущий над издохшим ослом Саррах, думал:

«Бедняга! И с вида-то он худ. От плохой еды. Не думаю, чтоб каждый день у него жарилась на вертеле горная козочка. Я думаю, питается одним рисом. Хотел бы я знать, с чем он готовит плов, — с барашком или с курицей?»

И захотел шах увидеть Сарраха. Одели Сарраха, вымыли и привели к шаху.

— Здравствуй, Саррах! — сказал шах. — Мы с тобой близкие соседи!

— Да, не дальние! — отвечал Саррах.

— И хотел бы я поговорить с тобой по-соседски. Спроси у меня, что ты хочешь. А я у тебя спрошу.

— Рад служить! — отвечал Саррах. — А спрос у меня невелик. Одна вещь не даёт мне покоя. Что ты силён, богат, — я знаю. У тебя много сокровищ, — это я, и не глядя, скажу. Что у тебя на конюшне стоят великолепные лошади, — тут и задумываться нечего. А вот прикажи мне показать тех блох, которые тебя кусают. Какие у тебя сокровища, лошади, — я себе представляю. А вот блох твоих прямо себе представить не могу!

Диву дался шах, пожал плечами, с удивлением оглядел всех:

— В толк взять не могу, о чём говорит этот человек. Какие такие блохи? Что это такое? Должно быть, просто втупик хочет меня поставить этот человек. Ты, Саррах, вот что! Вместо того, чтобы разговаривать о каких-то там камнях или деревьях, — что такое эти твои «блохи»? — ты мне ответь-ка лучше сам на мой вопрос.

— Спрашивай, шах! — с поклоном отвечал Саррах. — Как перед пророком, ничего не скрою.

— С чем ты, Саррах, готовишь свой плов: с барашком или с курицей? И что ты туда кладёшь: изюм или сливы?

Тут Саррах глаза вытаращил, на шаха с изумлением взглянул:

— А что такое плов? Город или река?

И смотрели они друг на друга с изумлением.

— Так только люди могут быть, повелитель, в одно и то же время близки и далеки друг от друга! — закончил мудрый Джафар свой рассказ.

Шах Айбн-Муси рассмеялся:

— Да, диковинно устроен свет!

И, обратившись к мудрецу Эддину, который позеленел от успеха Джафара, сказал:

— Что ты на это скажешь, премудрый Эддин? Эддин только пожал плечами:

— Повелитель, прикажи послать за женою Джафара! Пусть она принесёт мой ответ.

И пока слуги бегали за женою Джафара, Эддин обратился к мудрецу:

— Пока ходят за твоей достойной супругой, Джафар, будь добр, ответь нам на несколько вопросов. Давно ли ты женат?

— Двадцать лет полных! — отвечал Джафар.

— И всё время живёшь с женой неразлучно?

— Какой странный вопрос! — пожал плечами Джафар. — Шляется с места на место дурак. Умный сидит на одном месте. Он, и сидя у себя дома, мысленно может обтекать моря и земли. На то у него и ум. Я никогда, благодаренье аллаху, не имел надобности выезжать из Тегерана, — и, конечно, прожил с женой неразлучно.

— Двадцать лет под одной кровлей? — не унимался Эддин.

— У всякого дома одна только кровля! — пожал плечами Джафар.

— Скажи же нам, что думает твоя жена?

— Странный вопрос! — воскликнул Джафар.

— Ты, Эддин, конечно, мудрый человек. Но сегодня в тебе сидит словно кто-то другой и говорит за тебя. Выгони его, Эддин! Он говорит глупости! Что может думать жена человека, который всеми признан за мудреца? Разумеется, она рада, что аллах послал ей мудреца в спутники и наставники. Она счастлива этим и гордится. И всё. Я не спрашивал её об этом. Но разве спрашивают днём: «теперь светло?» — а ночью: «теперь на улице темно?» Есть вещи, которые разумеются сами собою.

В это время привели жену Джафара, всю в слезах. Конечно, когда старую женщину зовут к шаху, она всегда плачет, — думает, что её накажут. Зачем же больше звать?

Шах, однако, успокоил её ласковым словом и, крикнув, чтоб не плакала, спросил:

— Скажи нам, жена Джафара, счастлива ли ты, что замужем за таким мудрецом?

Женщина, видя, что её не наказывают, взяла волю и начала говорить не то, что следует, а то, что думает.

— Уж какое там счастье! — воскликнула жена Джафара, вновь разражаясь слезами, словно глупая туча, из которой дождь идёт по два раза в день. — Какое счастье! Муж, с которым двух слов сказать нельзя, который ходит и изрекает, словно он коран наизусть выучил! Муж, который думает о том, что делается на небе, и не видит, что у жены последнее платье с плеч валится! Смотрит на луну в то время, как у него со двора уводят последнюю козу. За камнем веселее быть замужем. Подойдёшь к нему с ласкою, — «женщина, не мешай! Я думаю!» Подойдёшь с бранью, — «женщина, не мешай! Я думаю!» Детей даже у нас нет. За таким дураком быть замужем, который вечно думает и ничего не придумает, — какое же счастье! Да обережёт аллах всякую, кто добродетельно закрывает своё лицо!

Шах расхохотался.

Джафар стоял весь красный, смотрел в землю, дёргал себя за бороду и топал ногой. Эддин посмотрел на него насмешливо и, довольный, что уничтожил соперника, с глубоким поклоном сказал шаху:

— Вот мой ответ, повелитель! С людьми, которые долго смотрят на звёзды, это бывает. Они и шапку, как свою судьбу, начинают искать среди звёзд, а не на своей голове. То, что сказал мой премудрый противник Джафар, совершенно верно! Удивительно создан свет. Ничто не может быть одновременно и тепло, и холодно, только люди могут быть и близки, и далеки в одно и то же время.

Но меня удивляет, зачем ему понадобилось за примерами ходить в грязную хижину какого-то Сарраха и топтать своими ногами полы шахского дворца. Стоило заглянуть под крышу собственного дома. Шах, всякий раз, как ты захочешь видеть это чудо, — людей, которые были бы близки и далеки друг от друга в одно и то же время, — не надо ходить далеко. Это ты найдёшь в любом доме. Возьми любого мужа и жену.

Шах остался доволен и подарил Эддину шапку.